

ВДОХНОВЕНИЕ

В Прохоровском музее и в музее села Прелестное появились новые экспонаты. Свои работы передал в дар музеям художник С. С. Косенков. Сегодня мы рассказываем о его творчестве.

ЧЕЛОВЕК склонился над столом. Серая рубаха, фартук, очки, натруженные руки рабочего. Он растирает на столе краску и валиком накатывает ее на линолеум, закрепляет в планшете чистый лист бумаги, затем перемещает его на пресс-станок, поворачивает колесо. Еще один отпечаток — в планшете. Громыкает пресс, растет число листов.

Работа над триптихом «Прохоровское поле» — не первое обращение С. С. Косенкова к трехчастной форме. Для него это — возможность эмоционально выразить емкую мысль, последовательно трансформировать ее от первого листа к третьему на одном вдохе, на единой болевой струне. На левой части триптиха — мальчуган, спящий в колосьях. На центральной — тонкошей юноша в пилотке. Белое пятнышко далекой хаты, и — вертикаль штыка, как бы рассекающая всю композицию на «до» и «после». «До» — это довоенное детство, это — сон в хлебах, это — две ладони под теплой щекой. А «после» — это старенькая мать, это — стол, на котором фотокарточка сына в рамке. «После» — это боль и ожидание. На третьем листе — те же колосья, только сорок хлебов спустя. Здесь все «завязано» в единый узел, автобиографические факты тесно переплетаются с общенародными. Тяжелое послевоенное детство, пропавший без вести отец. Мы знаем об этих фактах из жизни художника по его цветным линогравюрам из цикла «Детство».

В триптихе «Прохоровское поле» вновь звучат эти темы. Память о прошлом с годами становится все острее. 12 июля 1943 года произошло небывалое в истории танковое сражение под Прохоровкой. Мы помним. И память наша вечна...

Здесь уместно вернуться к более раннему косенковскому триптиху, созданному по мотивам известной повести Евгения Дубровина «В ожидании козы». На всех трех листах здесь присутствует один и тот же образ — окно.

Первый лист, «Ожидание». Мальчишеское лицо в окне. Он ждет отца с войны. Лист

второй — «Утрата». Здесь окно — символ скорбящей женской души. Стекло лопнуло, растрескалось, образовав в проеме черный женский силуэт. Обветшалая стена, увядшие цветы под окном. И набатный третий лист — «Память». Внизу, на земле, мелким планом проявлено пепелище. А высоко в небесах — окно. Окно, через которое течет в нас наше прошлое, отдаляясь во времени, но не убывая в сердце. Через эти три поля — Ожидания, Утраты, Памяти — Косенков проходит вместе с женщинами войны. И в цикле «Детство», и в двух триптихах, о которых говорилось выше, и в цикле «Стога» звучит тема о послевоенных годах женщин деревни.

У Косенкова глубинный, всеобъемлющий, планетарный взгляд художника. Мы вместе с ним и вслед за ним в большинстве его работ видим горизонт, делящий графический лист на две части. Причем лоскут земли занимает большую часть листа. Все главное для автора происходит здесь, на земле.

Язык графики в большей степени, чем любой другой, способен «поднять» конкретный предмет до уровня явления, до философского обобщения, преломить его так, что тысячекратно усилится, умножится значимость изображаемого, и Косенков в совершенстве владеет этим языком.

Цвет в гравюрах Косенкова эмоционально активен. Он вмещает колоссальный «человеческий» диапазон — от шепота до крика, он затягивает, растворяет в себе. Косенков может выразить цветом такие непередаваемые человеческие состояния, как скорбь, такую трудноуловимую ткань, как память. И мы, зрители, понимаем, о чем идет речь, мы умолкаем, потрясенные этим цветовым пятном.

Особо стоит сказать об иллюстрациях Станислава Косенкова. Для издательства «Современник» художник выполнил 17 линогравюр к рассказу нашего замечательного писателя Евгения Носова «Красное вино Победы». В этих листах вновь просматривается тема «Мой дом». Но здесь, как, например, в листе «Ранение», изменена полярность восприятия, потому что действующее лицо — солдат на поле боя. Графически и композиционно лист сделан так, что мы физически ощущаем ту страшную, неживую, противостоющую силу, что



столкнула человека с землей, и, перед тем, как убить, выхватила из памяти то, ради чего он умирает, — дом его, его малую родину.

А перед листом «Копешкин с письмом» мы судорожно сглатываем комок в горле, видя забинтованного, загипсованного с головы до пят человека, руки которого согнуты в шинах перед грудью, и туда чьей-то доброй рукой вставлено письмо солдату из дома. И справа, в углу листа, снова возникает «родной дом».

Можно было бы многое сказать о Лесковской серии гравюр Косенкова. О графическом осмыслении художником произведений Федора Михайловича Достоевского «Преступление и наказание», «Бедные люди», «Игрок». О создании художником серии

портретов этого великого нашего соотечественника. Работы художника получили уже всесоюзное и международное признание. Об этом свидетельствуют Золотые медали на международных выставках искусства книжной графики в Лейпциге (1971) и Брно (1976). Работы Косенкова находятся в десяти музеях страны.

...Я прощаюсь с художником. Не могу удержаться от банальнейшего вопроса: «Какие творческие планы?» Пожилой человек, как-то тихо, в бок, выдыхает: «Прохоровка». Ухожу через площадку в поздний вечер и, оборачиваясь, вижу на последнем этаже дома горящее пятно окна.

С. МИНАКОВ,
инженер.

Репродукция гравюр С. Косенкова из цикла «Прохоровское поле».